

Е. МАЙМИН

О ТЕМЕ СВОБОДЫ В РОМАНТИЧЕСКОЙ ЛИРИКЕ ПУШКИНА

Говоря о романтизме в драматическом искусстве и литературе вообще, В. Гюго (в предисловии к «Эрнани») утверждал, что свобода искусства, свобода общества — вот та двойная цель, к которой должны единодушно стремиться все последовательные и логически мыслящие умы.

Слово «свобода» было написано на знамени французского романтика Гюго. Еще прежде оно воодушевляло английского романтика Байрона и русских романтиков — декабристов. Тема и мотивы свободы занимали первостепенное место и в романтической поэзии Пушкина.

Разумеется, не только в романтической. Свободолюбивые мотивы в поэзии Пушкина легко обнаружить и до 1820 г., они свойственны и реалистическому, зрелому периоду его творчества. Пушкин недаром, подводя итоги своему творческому пути, считал самой большой своей заслугой то, «...что в мой жестокий век восславил я свободу...».

И все-таки у нас есть основания говорить об особо важном месте и особенном характере темы свободы именно в романтической поэзии Пушкина. В романтический период эта тема для Пушкина была в самом точном и глубоком смысле слова ведущей. Мотивы свободы не просто встречаются в его романтической лирике — они пронизывают ее, придавая ей весьма своеобразный и неповторимый облик.

Любимые герои стихотворений Пушкина романтической поры всегда причастны к свободе и жаждут ее. Таковы Карагеоргий из стихотворения 1820 г. «Дочери Карагеоргия» («гроза луны, свободы воин»), Брут в стихотворении «Кинжал» («...но Брут восстал вольнолюбивый...»), Чаадаев из пушкинского послания к нему же («Приду, приду я вновь, мой милый домосед; с тобою вспоминать беседы прежних лет, молодые вечера, пророческие споры... вольнолюбивые надежды оживим...»), генерал Пущин из стихотворения, ему адресованного («И скоро, скоро смолкнет брань средь рабского народа, ты молоток возьмешь во длань и воззовешь: свобода!») и т. д. и т. п.

Самого себя в стихах романтического периода поэт называет «свободы друг миролюбивый» («Алексееву»). Он дорожит свободной своей лирой и дает ей имя «вольного гласа цевницы» («Из письма к Гнедичу»). В стихотворении «Дельвигу» он заявляет: «Одна свобода мой кумир».

Понятие свободы относится Пушкиным-романтиком к разряду самых высших человеческих ценностей. В стихотворении 1823 г., обращенном к брату Льву, Пушкин восклицает: «Цветешь для радостей, для света, для свободы, какое поприще открыто пред тобой!»

Мотивы свободы в южной лирике Пушкина являются не только тематически ведущими, но и конструктивными в стилистическом и художественном смысле. Они в большой мере определяют особенную образность пушкинских стихов этого времени. Недаром в мире природы в ту пору Пушкина так исключительно привлекают море, океан, грозы и т. п. Потому и привлекают, что ассоциируются со свободой. В романтической

лирике Пушкина гроза — «символ свободы» («Кто, волны, вас остано-вил...»), океан — «свободный» («Приветствую тебя, свободный океан...»), море — свободная стихия.

Очень показательно, что именно теме свободы — в основном теме свободы — посвящена программная и итоговая для всего романтического периода творчества Пушкина элегия «К морю». Д. Д. Благой отмечает связь и переключку элегии с ранним стихотворением, открывающим южный период в творчестве Пушкина. — «Погасло дневное светило...». К этому ученый добавляет: «Но если элегия „Погасло дневное светило...“ была прологом к романтическому периоду творчества Пушкина, прощальное обращение к морю является явственным его эпилогом»¹.

Стихотворение «К морю» — это прощание с романтизмом и одновременно воспоминание о нем. Прощаясь с романтизмом, Пушкин вспоминает о самом дорогом, что у него связано с романтическим миром чувств и переживаний, — о свободе. Есть нечто знаменательное в том, что стихотворение пишется в Михайловском. Потеряв всякую надежду на свободу, поэт с новой и особенной силой воспевает ее и оплакивает ее. Образ моря, центральный в стихотворении, существует не столько предметно, не столько сам по себе, сколько как символ высших, духовных ценностей. Как сюжетная завязка, как ввод в самое главное, звучат начальные слова стихотворения: «Прощай, свободная стихия...». За ними образ полной, абсолютной свободы: и свободная, и стихия.

Образ моря-свободы является для стихотворения не только центральным, но и конструктивным: с ним в стихотворении все связано — и слова, и мысли, и поэтические воспоминания. В тесной связи с ним возникают в стихотворении и образы Наполеона и Байрона. Соотнесенность этих образов с образом моря не является лишь внешней. Дело не только в том, что оба — и Наполеон, и Байрон, погибли вблизи моря. Важнее, что они, хотя и по-разному, ассоциируются в сознании поэта с понятием свободы. В стихотворении «Недвижный страж дремал...» Пушкин говорит о Наполеоне «Мятежной вольности наследник и убийца». Байрон соотносится с образом моря по-иному и особенно тесно и глубоко. С морем — свободной стихией. Для Пушкина, автора элегии «К морю», Байрон прежде всего певец свободы и человек, погибший за свободу:

...Исчез, оплаканный свободой,
Оставляя миру свой венец.
Шуми, волнуйся непогодой,
Он был, о море, твой певец.
Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим...

Тут естественно возникают некоторые литературные параллели. Пушкинская трактовка Байрона в этом стихотворении заставляет вспомнить другого романтика — Рылеева. Вольнолюбивые стихи Пушкина, прославление им свободы как высшей человеческой ценности, вообще делают Пушкина близким поэтам-декабристам, в частности и Рылееву.

В 1824 г. (в том же году, в котором написана элегия «К морю») Рылеев пишет стихотворение «На смерть Байрона». Так же как и Пушкину, Байрон близок Рылееву прежде всего своим вольнолюбием, своим подвигом во имя свободы. Стихотворение Рылеева о Байроне по существу хвала и слава не одному Байрону, но всякому подвигу во имя свободы, всякому борцу за свободу:

¹ Б л а г о й Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.— Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 395.

Царица гордая морей,
Гордись не силою гигантской,
Но прочной славою гражданской
И доблестью своих детей.
Парящий ум, светило века,
Твой сын, твой друг и твой поэт,
Увянул Байрон в цвете лет
В святой борьбе за вольность грека.

Не только в этом стихотворении, но и во всем творчестве Рыльева, подобно тому как это было в романтической поэзии Пушкина, тема свободы главная и ведущая. Не буду приводить многих примеров, напомним только, что пафос свободолюбия определяет сюжет и содержание центрального произведения Рыльева, его поэмы «Войнаровский», а также незаконченной его поэмы «Наливайко». Причем пафос этот глубинный, лирически окрашенный. Как собственное, заповедное авторское признание, звучат слова Войнаровского:

Мне надо жить: еще во мне
Горит любовь к родной стране,
Еще, быть может, друг народа
Спасет несчастных земляков,
И, достояние отцов,
Воскреснет прежняя свобода...

Известно, что поэма «Войнаровский» писалась Рылевым под большим воздействием романтического творчества Пушкина. Это воздействие (может быть, и обоюдное), эта перекличка и близость видны и в трактовке обоими поэтами темы свободы. Но близость и перекличка отнюдь не означали тождества. Не было и не могло быть абсолютного сходства в поэтическом (не говоря уже о политическом) свободолюбии Пушкина и Рыльева, в постановке и решении ими темы свободы.

В своих стихах Рылеев не только воспевае свободулюбие, но и прямо учит ему. Рылеев и поэт свободы, и не менее того проповедник ее, наставник в делах и добродетелях гражданских. Рылеев дидактичен — при этом намеренно, сознательно. В отличие от него Пушкин всегда и во всех случаях избегает прямого урока в поэзии. Он тоже внушает читателю любовь к свободе, но как бы непроизвольно, как поэт, но не как проповедник и дидактик.

При всей важности и принципиальности этого различия есть, однако, различие еще более серьезное и глубокое в трактовке темы свободы у Пушкина и Рыльева. Романтик Рылеев свободу только воспевае. Романтик Пушкин не только воспевае, но и мучается теми проблемами, которые свобода ставит перед людьми и народами. В трактовке темы свободы у Пушкина, как и в трактовке многих других тем, нет однолинейности и однозначности. Фрагменты, которые приводились до сих пор, достаточно характерны для пушкинских решений темы свободы, но они не исчерпывают всех пушкинских решений. Для Пушкина-романтика возможен и принципиально иной подход к теме свободы, нежели тот, на который мы до сих пор указывали.

Постановка темы свободы Пушкиным, если брать тему в полном ее объеме и всесторонне, носит остропроблемный, антиномический характер. В решении этой темы у Пушкина все далеко не просто. В стихотворении «Демон» Пушкин причисляе чувство свободы к «возвышенным чувствам». Таким именно оно и было для Пушкина всегда. Вместе с тем слово «свобода», вызывая у Пушкина и сильный порыв, высокие и положительные эмоции, не менее того вызывало поэта на трудные размышления. Часто не просто трудные, но и трагические. Свобода для Пушкина

была и возвышенным идеалом, и трагической в своей глубокой основе проблемой.

Проблемность темы свободы, трагическая сторона проблемы были связаны для Пушкина больше всего с сознанием внутренней несвободы человека, неспособности людей и народов современного ему мира не только бороться за свободу, но порой и просто принять ее. В послании «В. Л. Давыдову», говоря о событиях в Неаполе, Пушкин восклицает с горечью: «Народы тишины хотят, и долго их ярем не треснет...».

И стихотворение, и горькие пушкинские мысли, в нем звучащие, имели конкретное приращение. Однако очень скоро они станут для Пушкина не частными мыслями, станут для него родом убеждений, не обязательно связанных с тем или иным конкретным историческим фактом. Так, в стихотворении 1822 г. «В. Ф. Раевскому „Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...“» та же по существу мысль о свободе и несвободе людей, которую мы встречали в послании «В. Л. Давыдову», теперь получает явно обобщенное толкование:

... Я говорил пред хладною толпой
Языком истины свободной,
Но для толпы ничтожной и глухой
Смешон глас сердца благородный.
Везде ярем, секира иль венец,
Везде злодей иль малодушный ...

Это поэтические мысли, а не только поэтические чувства и наблюдения, это поэтически выраженные выводы опыта — опыта социально-исторического и опыта внутреннего, духовного.

Трактовка Пушкиным темы свободы в ее социально и психологически обобщенном и трагическом аспекте находит дальнейшее развитие и заострение в стихах 1823 г. «Мое беспечное незнанье» и «Свободы сеятель пустынный». Стихотворения эти и по своей идее, и по конструкции заметно антиномичны. В основе их композиции лежит знакомая нам по посланию «В. Л. Давыдову» антитеза, только еще более резко выраженная: поэт, которому нельзя без свободы, и толпа, глухая к призывам поэта, равнодушная и даже враждебная его свободолюбию:

...И взор я бросил на людей,
Увидел их надменных, низких,
Жестоких ветреных судей,
Глупцов, всегда злодейству близких.
Пред боязливой их толпой,
Жестокой, суетной, холодной,
Смешон глас правды благородный,
Напрасен опыт вековой.
Вы правы, мудрые народы,
К чему свободы вольгдый клич!
Стадам не нужен дар свободы,
Их должно резать или стричь ...

Это из стихотворения «Мое беспечное незнанье». Очень похоже, почти теми же словами и с той же трагической иронией, пишет Пушкин в финале стихотворения «Свободы сеятель пустынный»:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

В заключительной части обоих пушкинских стихотворений не решения, а трагические вопросы. Стихотворения отнюдь не категоричны по мысли, они не содержат окончательных выводов, было бы ошибочным видеть в них сатиру: это не сатира, а в основе своей высокая драма и трагедия.

Подобная трактовка темы свободы вовсе не исключала для Пушкина и традиционного подхода к теме. И в сомнениях Пушкин продолжает любить свободу и мечтать о ней не менее горячо, чем прежде. Свободолюбивые стихи пишутся им параллельно трагическим стихам о свободе. Но это-то как раз и обуславливает пушкинскую проблемность, глубокоую диалектику в решении темы. Чтобы понять истинный смысл таких стихотворений Пушкина, как «Свободы сеятель пустынный», нужно не забывать о его свободолюбивых стихах. Только в контексте всей пушкинской лирики о свободе становится вполне очевидным трагический характер слов, подобных тем, которыми начинается стихотворение «Свободы сеятель пустынный»:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды ...

Говоря о реальных истоках этого стихотворения Пушкина, исследователи пушкинского творчества обычно указывают на подавление французскими войсками в 1823 г. испанской революции, о казни революционного вождя Риеги при одобрении некоторой части народа и о том тяжелом впечатлении, которое это обстоятельство произвело на Пушкина. Все это бесспорно. Реальные причины для написания стихотворения у Пушкина действительно были. Но они заключались в одинаковой мере и в конкретных фактах современной политической жизни, и в фактах внутреннего сознания поэта, в его мирозерцании. Недаром у Пушкина не одно, а несколько стихотворений на одну и ту же тему и с принципиально одинаковым ее решением. Тема в ее особенном, драматическом повороте становится для Пушкина лейтмотивной, глубоко продуманной, в самом точном смысле слова не случайной. Это придает стихам Пушкина, подобным «Свободы сеятель пустынный», не просто обобщенный, но и в значительной мере философский характер. Несомненно, что Пушкин еще в романтический период творчества создает — пусть в самом начальном, зародышевом виде — сильную традицию русской философской поэзии.

Впрочем, еще важнее и несомненное другая традиция, идущая от стихотворений Пушкина о свободе. Тема свободы — притом не в однолинейном, а в проблемном, «пушкинском» ее осмыслении — является одной из главных философских тем в русской литературе послепушкинской эпохи. И здесь прежде всего вспоминается Достоевский.

Достоевский писал в «Дневнике писателя за 1877 г.»: «Вся теперешняя плеяда наша работала лишь по его (Пушкина.— *Е. М.*) указаниям, нового после Пушкина ничего не сказала. Все зачатки были в нем, указаны им. Да к тому же она разработала лишь самую малую часть им указанного. Но зато то, что они сделали, разработано ими с таким богатством сил, с такой глубиной и отчетливостью, что Пушкин, конечно, признал бы их...»².

² Достоевский Ф. М. Полное собрание художественных произведений, т. XII. Л., 1929, стр. 208.

В этих словах Достоевского много не буквальной, а глубокой правды о собственном творчестве и о творчестве великих современников. У Достоевского (как и у Тургенева, как и у Толстого, и Островского) можно отыскать немало идей и образов, «зачатки» которых находятся у Пушкина. К ним относится и идея человеческой свободы-несвободы, особенно занимавшая и волновавшая Достоевского.

Дело не в прямых параллелях и соответствиях в мыслях и суждениях Достоевского и Пушкина. Такие соответствия — разумеется, не плоские и в самом общем плане — видимо, можно отыскать, если обратиться, например, к кругу идей «сочинителя» «Записок из подполья» или к проблематике «Братьев Карамазовых». Но существеннее другое. В своих размышлениях на тему свободы Достоевский похож на Пушкина не обязательно содержанием своих понятий, а принципиальным подходом к теме. «Пушкинская школа» Достоевского сказалась прежде всего в антиномичности и антидогматизме его художественных и философских решений. Достоевский больше всего похож на Пушкина и в этом, и в другом случаях полифонимом, глубокой диалектикой своей художественной мысли. В этом он и явился подлинным учеником Пушкина.

С Пушкина в русской литературе действительно многое началось. И началось не только с Пушкина реалистического периода его творчества, но и с Пушкина южной поры, Пушкина-романтика.

*Известия
Академии наук СССР*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

**серия
литературы
и языка**

ТОМ 33

1974

